

ПОСЛЕ
ВЫБОРА

A movie poster for the Russian film 'After the Choice' (После выбора). The image depicts a dark, hooded assassin with a sword on his back standing next to a woman in tactical gear. They are in a desolate, war-torn landscape with a burning city and a castle in the background. The title 'ПОСЛЕ ВЫБОРА' is written in large, white, sans-serif capital letters at the bottom, with a glowing orange light effect behind the text.

Елена К

После выбора

<https://litres.ru/74285264>

SelfPub; 2026

Аннотация

Соне уже давно снится один и тот же сон.

Поляна. Туман. Мужчина со стрелой в шее. Каждый раз детали чуть другие, но ощущение одно: это место её знает.

Однажды сон перестаёт быть сном.

Поляна оказывается настоящей. Мёртвый человек — тоже. И Соня начинает видеть не один исход, а множество. Реальность трескается. Цена за каждый взгляд растёт.

Её кошмары никогда не были воспоминаниями. Они показывали то, что ещё не произошло — лишь один из вариантов будущего.

Теперь именно ей решать, какой из них станет единственным.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1 Пробуждение	8
ГЛАВА 2 Парк	14
ГЛАВА 3 Клетка	18
ГЛАВА 4 Арна	22
ГЛАВА 5 Слова	27
ГЛАВА 6 Выход	30
ГЛАВА 7 Разговор	36
ГЛАВА 8 После разговора	42
ГЛАВА 9 Утро	45
ГЛАВА 10 Граница	51
ГЛАВА 11 Первая трещина	54
ГЛАВА 12 Следы	58
ГЛАВА 13 Точка наблюдения	65
Глава 14 Наблюдатель	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елена К

После выбора

ПРОЛОГ

Сумерки сгущались.

Тусклый солнечный свет просачивался на поляну сквозь череду деревьев - настолько высоких, что очертания их крон угадывались лишь где-то далеко наверху, в полумраке. Лунный свет ложился неровно, тонкими линиями, будто кто-то нарочно пропускал его сквозь трещины.

Темная фигура ступает на край и настороженно оглядывается.

Плотная древесная стена опоясывает со всех сторон заросший густой травой овал. Дальний край поляны исчезает в туманной дымке у подножия исполинских сосен. Кажется, будто место не заканчивается, а просто перестает быть видимым.

Сделав несколько шагов вперед фигура замерла, словно прислушиваясь.

Тишина, ранее совсем незаметная, становится плотной, почти ощутимой. Световые полосы опускаются на небольшие участки травяного ковра, окрашивая их в неестественно яркие цвета.

Фигура подняла лицо к свету и сделала шаг. Лучи осветили лицо молодой девушки.

Она сделала шаг и тут же поймала себя на странной уверенности - будто этот шаг уже был сделан не единожды, но каждый раз немного иначе: то ближе к центру поляны, то в сторону, то замирая на самом краю. В памяти это ощущение не успевает оформиться во что-то конкретное, но оставляет след, как отпечаток на воде, который тут же исчезает.

Через мгновение лес вокруг становится темнее - словно кто-то разом затушил весь свет, оставив лишь огарок свечи с едва теплящимся огоньком.

В полутьме тяжелые хвойные ветви спускаются почти до земли, отбрасывая тени, похожие на острые кинжалы. Они ложатся неровно, пересекаются, будто отмечают путь.

Она идет дальше.

Вдруг воздух становится тяжелым, сухим и морозным. Из ее рта вырывается струйка морозного пара. Земля незаметно покрывается сизым плотным туманом, ровным, как ковер.

Тонкий луч света впереди вдруг стремительно отдаляется, словно убегает.

Слева был замечен бегущий ручей. Вода движется, но не издает ни звука. Ни плеска, ни журчания - будто движение существует отдельно от слуха.

Дымка начинает подниматься, густеть, обволакивая пространство. С каждым шагом становится тяжелее идти, будто что-то внутри настойчиво требует развернуться и уйти.

Немедленно.

Девушка поднимает руку и пытается ухватить воздух вокруг себя – ее зрение резко мутнеет, а затем почти совсем исчезает. Вокруг только молочная пелена.

Сквозь дымчатую пелену проступают очертания темного предмета. Её сердце сжимается от острого осознания, что впереди находится нечто важное. Отталкивающее и притягивающее одновременно.

Она шагнула ещё раз и ее ноги перестали слушаться. Снизу вверх по телу расползлось онемение.

Колени подогнулись и ударились о землю. Ладони упёрлись в траву — влажную, холодную, чужую.

Контуры постепенно складывались в силуэт, который невозможно было принять за что-то другое: впереди лежал человек.

На земле распростерлось тело мужчины в темной одежде. Лицо скрывала какая-то ткань, а голову накрывал капюшон. Лишь узкая полоска кожи на уровне глаз оставалась открытой. Широко распахнутые, неподвижные глаза смотрели прямо в небо. В сгущающихся сумерках они казались почти черными. Из его шеи торчало древко стрелы.

Ткань вокруг пропитана кровью и стекала вниз на землю. Одна темная струйка отделилась и медленно стекает в ручей. Он был мертв.

Её дыхание оборвалось на полувдохе.

В этот момент из ее руки на землю со стуком упало что-

то тяжёлое и исчезло в траве. Она опустила взгляд и увидела деревянный лук. На спине ощущалась тяжесть массивного колчана, полного стрел.

Откуда это?

Мысль не успела оформиться.

Все внимание снова потянулось к телу.

Мир замер.

ГЛАВА 1 Пробуждение

Соня вздрогнула и резко села в кровати.

Первое, что она почувствовала, был свет. Яркий, наглый, совершенно неуместный. Он пробивался сквозь неплотно задернутые шторы и бил точно в правый глаз, заставляя зажмуриться и поморщиться.

— Чёрт... — выдохнула девушка и потерла лицо ладонями.

Несколько секунд она просто сидела, уставившись в никуда, пытаясь понять, где находится и почему сердце колотится так, будто она только что бежала марафон. Комната была на месте — знакомая до последней мелочи. Кровать, письменный стол, стул с брошенной курткой, рюкзак у стены и камера на полке.

Обычная, до смешного нормальная реальность.

— Ну конечно, — пробормотала она. — Где же ещё.

Она посмотрела на телефон. Экран вспыхнул цифрами. 13:24.

— Пол второго?! — Соня уставилась на дисплей с искренним возмущением. — Это уже ни в какие ворота.

Она с шумом откинулась обратно на подушки и уставилась в потолок.

— Просто замечательно, — продолжила девушка вслух, не особенно заботясь о том, что разговаривает сама с со-

бой. — Ночью не сплю, днём сплю, потом удивляюсь, почему жизнь мимо проходит.

На самом деле удивляться было нечему. Полночи она была на съёмке — вечерний заказ, холод, бесконечные просьбы «а можно ещё один кадр», а потом ещё несколько часов за компьютером, обрабатывая фотографии, потому что всем же нужно срочно. Всегда срочно.

— Всем, кроме меня, — хмыкнула Соня. — Я могу и днём поспать, да?

Она снова села и сразу же почувствовала странную тяжесть в теле. Не резкую боль, не слабость — скорее ощущение, будто вместо сна в кровати она была в долгой дороге. Особенно ныли ноги. Соня пошевелила ступнями, проверяя, слушаются ли они.

Слушались.

Но противное ощущение никуда не делось.

— Ладно... — настороженно сказала она. — Это уже странно.

В памяти всё ещё держалось что-то липкое и холодное. Сон. Детали стремительно ускользали, но тишина, туман и ощущение чужого взгляда не отпускали. Соня прикрыла глаза — и почти сразу увидела тёмные ветви, поляну, неподвижные глаза мёртвого человека.

Она резко открыла веки.

— Нет-нет-нет, — быстро проговорила она. - Хватит. Всё. Это был просто кошмар.

Она встала, комната качнулась. Ухватилась за стул, подождала, пока мир устоит.

В ванной зеркало выдало правду без всякой жалости. Светло-каштановые волосы торчали в разные стороны, зелёные глаза выглядели чуть тусклее обычного, а под ними красовались вполне заслуженные мешки.

Она наклонилась ближе к зеркалу и на мгновение задержала взгляд на своих глазах. Почему-то показалось, что они выглядят иначе. Не больными, а какими-то напряжёнными, будто она всю ночь что-то внимательно рассматривала.

Соня моргнула.

Ощущение исчезло.

— Показалось, — решила она и отвернулась.

На кухне заурчала кофеварка, наполняя квартиру знакомым, успокаивающим запахом. Соня оперлась о столешницу и, прихлёбывая кофе, лениво пролистывала ленту в телефоне.

— О, - протянула она. — Новые заказы.

Настроение немного улучшилось. Работа всегда действовала на неё как якорь. Через объектив мир становился понятнее: линии, свет, композиция. Всё можно было выстроить, поймать, зафиксировать.

Она подошла к окну.

На улице стояла ранняя осень - та самая, переходная.

Воздух был прозрачным и чуть прохладным, будто вымытым за ночь. Свет ложился мягко, без летней резкости, и всё

вокруг выглядело немного приглушённым, словно мир решил говорить вполголоса. Листья ещё держались на ветках, но уже начинали менять цвет - не резко, а постепенно, как если бы не торопились расставаться с тем, кем были вчера.

Ей всегда нравился этот короткий промежуток времени, когда лето уже отпустило, а осень ещё не вступила в свои права. В нём было что-то зыбкое и хрупкое - ощущение, что всё вокруг ненадолго застыло между тем, что прошло, и тем, что обязательно придёт.

В такие дни ей всегда хотелось идти медленно, почти нарочно замедляясь, чтобы не спугнуть это хрупкое равновесие. Казалось, если сделать резкое движение - шагнуть быстрее, громче вдохнуть, - всё рассыплется: свет станет грубее, цвета потускнеют, а воздух утратит эту редкую прозрачность.

Осень вообще была любимым временем для съёмок. Не только потому, что свет становился мягче, а цвета — глубже. Просто именно в это время года люди чаще выходили на улицу, будто чувствовали, что скоро станет поздно. Молодые мамы с детьми, пары, девушки, привычно улыбающиеся в объектив — все они тянулись в парки, к аллеям, усыпанным листьями, к старым деревьям, которые каждый год выглядели по-разному, но всегда по-настоящему.

Соня любила работать в такие дни. Любила неспешно бродить между дорожек, подмечая, как свет ложится на листву, как тени ветвей переплетаются под ногами, как один и тот

же поворот аллеи меняется в зависимости от часа. Иногда, между заказными кадрами, она снимала и для себя - просто так, без цели и дедлайнов. Эти фотографии редко кому показывала, но именно в них потом узнавала своё собственное настроение, свои мысли, свои паузы.

Центральный парк, особенно его старая часть, подходил для этого идеально. Деревья там были высажены ещё в прошлом веке, и в их изломанных ветвях, в толстых стволах, покрытых мхом, всегда чувствовалось время. Такие места всегда были особенными - они не старались казаться красивыми.

Она сделала ещё глоток из чашки и вдруг поймала себя на странной мысли: ей захотелось взять камеру прямо сейчас. Не для работы, а просто так. Как будто было важно что-то увидеть - или сохранить - пока оно не исчезло.

Соня поставила чашку на подоконник и подошла к рюкзаку. Проверила содержимое: камера, вспышка, аккумулятор. Всё на месте.

Пальцы задержались на корпусе фотоаппарата.

Иногда ей казалось, что камера видит мир честнее, чем она сама. Через объектив исчезало всё лишнее, оставляя только то, что действительно есть.

— Ладно, — сказала она, закидывая рюкзак на плечо. — Прогуляюсь. Заодно разведая место.

Остановившись у выхода из квартиры на секунду, она прислушалась к себе. Всё было нормально. Просто уста-

лость. Просто тяжелый сон.

Девушка закрыла дверь, спустилась по лестнице и вышла на улицу.

Свет был мягким, тени от деревьев во дворе ложились на асфальт причудливыми узорами. Незаметно одна из теней легла точно под её ноги, повторяя очертания ветвей. Почти так же, как во сне.

ГЛАВА 2 Парк

Дорога до центрального парка заняла почти час.

Соня шла пешком — осенний город располагал к медленному движению. Улицы были залиты мягким светом, асфальт ещё хранил тепло, воздух казался чистым.

Она шагала неторопливо, иногда останавливаясь, чтобы сделать пару кадров. Улицы были залиты мягким светом, асфальт ещё хранил дневное тепло, а воздух казался удивительно чистым - редкое ощущение для городского ландшафта.

Балконы с облупившейся краской, отражения в витринах, тени от деревьев, вытянувшиеся вдоль тротуаров. Такие снимки Соня обычно откладывала отдельно. Они редко кому были нужны, но почему-то именно к ним она возвращалась чаще всего.

Иногда, глядя на экран камеры, ей казалось, что объектив улавливает что-то ускользающее — не форму, не цвет, а настроение момента.

— Тоже мне философ, — хмыкнула она сама себе и пошла дальше.

К парку Соня подошла уже полностью проснувшейся. Кофе сделал своё дело, мысли выстроились в привычный рабочий порядок. Сегодняшняя съёмка была запланирована ближе к вечеру, и у неё оставалось достаточно времени, чтобы

спокойно разведать место, выбрать удачные точки, посмотреть, как ложится свет.

Центральный парк начинался незаметно. Шум города постепенно стихал, растворяясь в листве и пространстве между деревьями. Свет менялся с ярко-жёлтого на приглушённо-зелёный. Словно кто-то повернул невидимую ручку, делая оттенки мягче.

Соня шагнула под первые кроны и невольно замедлилась. Здесь было красиво. Старые деревья, посаженные десятилетия назад, стояли плотно, но не давили. Их стволы были широкими, тёмными, с неровной корой, в которой легко читались прожитые годы. Листья под ногами шуршали негромко, будто старались не мешать.

Она сделала несколько пробных кадров, выравнивая настройки. Свет был сложный, но благодарный.

Прошло достаточно много времени после того, как она заметила, что увлеклась.

Она шла всё глубже, сворачивая с главных дорожек на узкие тропинки, снимая аллеи, ветви, случайные просветы между деревьями. Время от времени она останавливалась, приседала, меняла угол съёмки, поднимая камеру почти над головой или, наоборот, опуская к самой земле.

Когда солнце начало клониться к закату, а тени вытянулись и стали длиннее, Соня наконец вспомнила о времени.

— Так, - сказала она вслух и взглянула на часы. — Уже пора.

Она огляделась.

Парк вокруг выглядел знакомым, но не совсем. Дорожки здесь были уже, деревья - выше, а людей - заметно меньше. Впрочем, ничего необычного. К вечеру многие уже расходились.

В какой-то момент она свернула на совсем узкую тропинку, которую раньше не замечала.

Воздух изменился мгновенно.

Он стал гуще, тяжелее, будто кто-то невидимый опустил вокруг неё толстое стекло. Звуки города — шум машин, далёкие голоса — внезапно отдалились и почти исчезли. Даже шорох собственных шагов по листьям звучал приглушённо, словно сквозь плотную вату.

Соня замедлилась. По спине пробежал холодок.

Впереди, между деревьями, показалась небольшая поляна.

Она вышла на неё — и замерла.

То самое место.

Туман. Холод. Тени, лежащие неровно, как в её повторяющемся сне. Всё точно так же. Даже свет — тонкие, неестественно яркие полосы, пробивающиеся сквозь кроны. Воздух был тяжёлым, влажным, с едва уловимым металлическим привкусом.

Сердце ухнуло вниз.

— Нет... — прошептала Соня, делая шаг назад. — Этого не может быть.

Она подняла камеру, будто пытаясь поймать момент через объектив, сделать его управляемым. Руки заметно дрожали.

Щелчок затвора прозвучал слишком громко в этой тишине.

А потом мир сдвинулся.

Чьи-то сильные руки резко схватили её поперёк туловища. Ладонь грубо зажала рот, не давая закричать. Соня дёрнулась, попыталась вырваться, но тело уже не успевало отреагировать.

Короткий, точный удар по затылку.

Перед глазами вспыхнули яркие искры. Ноги подкосились.

Последнее, что она успела увидеть сквозь мутнеющее сознание — яркие, тёмные глаза, смотрящие на неё сквозь прорезь между капюшоном и тёмной повязкой на лице.

А потом мир исчез.

ГЛАВА 3 Клетка

Сознание возвращалось медленно и неохотно.

Сначала Соня почувствовала запах — старого дерева, сухой соломы и чего-то пыльного, затхлого. Потом — жёсткую поверхность под спиной. Она попыталась сесть и ударилась плечом о толстый деревянный прут.

Девушка машинально осмотрела себя. Толстовка на месте. Брюки целы. Кроссовки, к счастью, тоже. Даже рюкзак валялся неподалёку у стены клетки.

Она провела ладонями по рукавам, по карманам, будто проверяя, на месте ли она сама. Невысокая, жилистая, скорее выносливая, чем хрупкая — Соня никогда не выглядела так, будто её легко сломать, и сейчас это неожиданно успокаивало. Волосы, собранные утром наспех, растрепались окончательно и лезли в лицо, щекоча виски.

Она машинально пригладила пряди и вдруг поймала себя на странной, совершенно неуместной мысли: выглядит она, наверное, как человек, которого только что вытащили из плохого сна. Впрочем, так оно, кажется, и было.

Голова болела, но терпимо. Спасибо, что руки и ноги целы.

Клетка.

Настоящая деревянная клетка.

Соня замерла, оглядываясь. Прутья были грубыми, но

крепкими, солома под ногами — свежей, но уже притоптанной. За решёткой открывался небольшой двор с деревянными постройками, частоколом и утоптанной землёй. Всё выглядело старым, но ухоженным — как место, которым давно и постоянно пользуются.

У клетки стоял старик.

Невысокий, сухощавый, в длинном синем плаще и балахоне с капюшоном. Лицо спокойное, глаза внимательные, почти доброжелательные. Если бы не клетка, в которой она сидела, его можно было бы принять за мудрого старого учителя.

Соня медленно поднялась, держась за прутья. Голова кружилась.

— Где я? — спросила она. Голос вышел хриплым и чужим.

— В Арне, — спокойно ответил старик. — Меня называют Наставником.

«Арна... — повторила она про себя. — Звучит как название из второсортного фэнтези».

— А я здесь как? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал от гнева.

— Обычно люди замечают границу только после того, как пересекли её, — сказал он так, будто это было самым обычным делом. — Такое бывает редко. И почти никогда не заканчивается хорошо.

Соня обхватила прутья руками. Дерево было шершавым

и холодным. Сердце стучало тяжело, отдаваясь в висках.

«Граница. Как в моих снах. Поляна. Туман. Мёртвый человек. Только теперь это не сон. Это происходит на самом деле».

— Почему я в клетке? — голос стал чуть резче.

— Ключ от клетки у Командира отряда. Он сейчас в отъезде. До его возвращения ты останешься здесь. Для твоей же безопасности.

— Безопасности? — Соня невесело усмехнулась, хотя внутри всё сжималось от паники. — Я проснулась в клетке. Это у вас так выглядит забота?

Наставник не улыбнулся. Просто смотрел на неё с тихим, почти печальным любопытством, как на редкое и немного опасное существо.

Соня сунула руку в карман толстовки и достала телефон. Экран был чёрным. Она нажала кнопку питания. Ничего. Ещё раз. Мёртвый.

— Конечно, — пробормотала она, чувствуя, как внутри поднимается волна бессильной злости. — Почему бы и нет. Ни связи, ни GPS, ни возможности позвонить и сказать: «Привет, меня похитили в параллельный мир».

Она подняла взгляд на старика.

— Вы знаете, кто я такая?

Наставник помолчал, прежде чем ответить. Когда он заговорил, голос звучал мягче, но всё равно весомо:

— Я думаю, что знаю. Ты — та, кого мы ждали. Хотя и не

так, как представляли.

Соня крепче сжала прутья. Сердце билось тяжело и неровно.

«Ждали. Как будто я — посылка. Или оружие. Или ошибка, которую нужно исправить».

— Тогда, может, вы мне объясните, что здесь происходит? — спросила она, стараясь говорить спокойно. — Потому что я очень хочу проснуться.

Наставник слегка наклонил голову.

— Боюсь, это не сон, девочка. И просыпаться тебе пока некуда.

Он сделал маленький шаг ближе к клетке. Взгляд его стал чуть мягче.

— Но, если хочешь, можешь начать с простого вопроса. Спроси меня то, что действительно тебя сейчас беспокоит.

Соня долго молчала, глядя на старика сквозь деревянные прутья. В груди медленно поднималась волна паники, которую она изо всех сил пыталась удержать.

— Я хочу домой, — наконец сказала она тихо.

Наставник кивнул, будто ожидал именно этих слов.

— Я знаю. И, возможно, когда-нибудь ты туда вернёшься. Но сначала тебе придётся понять, почему ты здесь оказалась.

ГЛАВА 4 Арна

Наставник смотрел на неё долго и внимательно, не торопясь с вопросами. Соня всё ещё стояла, держась за прутья клетки, пытаясь унять дрожь в руках.

— Скажи мне, — наконец произнёс он тихо. — Тебе снятся видения?

Соня вздрогнула. Вопрос попал точно в цель.

— Да, — ответила она после паузы. — Уже давно. Мне снится поляна, всегда одна и та же. Там всегда туман. Холод.

— И что ты чувствуешь, когда приходят эти видения?

Она опустила взгляд на свои руки, всё ещё сжимавшие дерево.

— Мне становится плохо. Физически. Тяжесть в груди, голова кружится, иногда кажется, что я не могу дышать. Как будто я одновременно в двух местах.

Наставник медленно кивнул, будто услышал именно то, что ожидал. Вблизи его глаза казались слишком старыми для лица — как будто видели больше, чем может выдержать любой человек.

— Когда тебе снилась поляна, — сказал он тихо, — там был человек?

Соня напряглась.

— Был.

— Мёртвый?

Пауза повисла.

— Да.

— И каждый раз одинаково?

Она открыла рот — и замерла.

— Не знаю точно. Кажется, да. Но всегда что-то не сходится. Стрела чуть другая. Кровь течёт иначе. Детали... ускользают.

Наставник кивнул — будто услышал именно это.

— Ты видишь не сон. Ты видишь место, где реальность ещё не выбрала, какой ей быть.

Соня фыркнула.

— Опять загадки. Можно по-человечески? Мне проще, когда без поэзии.

— По-человечески, — повторил он. — Хорошо.

Он помолчал секунду.

— Арна... меняется. И ты появилась здесь не случайно. Ты видишь то, что большинство уже не может. Это делает тебя одновременно очень ценной... и очень опасной.

Соня молчала, переосмысливая услышанное. Все это звучало слишком нереально

В этот момент у входа во двор слышались быстрые шаги. Из-за угла появился молодой парень — высокий, худощавый, с растрёпанными тёмными волосами и живыми, почти лихорадочными глазами. На нём была простая, но хорошо сшитая одежда, на плече висела потрёпанная сумка, из

которой торчали свитки и перья.

— Наставник! — начал он ещё на ходу, но, увидев Соню в клетке, резко остановился. — Ого... Так она уже здесь.

Наставник вздохнул.

— Нико. Ты как всегда вовремя.

Нико подошёл ближе, с нескрываемым любопытством разглядывая Соню. Его взгляд был острым, почти изучающим.

— Ты та самая, — сказал он, не здороваясь. — Та, что пришла из-за границы. Я подслушал, как ты рассказывала про свой сон. Про поляну и мёртвого человека со стрелой в груди.

Соня напряглась.

— И что?

Нико присел на корточки у клетки, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Нико. Объясни по-человечески. — Сказал Наставник
Парень вздохнул, но глаза всё равно горели.

— Ладно. Коротко. Арна — не стабильная. Границы — как волны. Иногда они накатывают на ваш мир. Иногда — отступают. А иногда... — он ткнул в землю, — прорываются.

Он встал, отряхнул руки от пыли.

— Пример. Помнишь старый дуб у северной стены? Тот, что стоял сто лет?

Соня пожала плечами.

— Не помню. Я тут только со вчерашнего дня.

— Вот именно. Вчера его ещё не было. А позавчера ночью он «переехал». На двенадцать метров восточнее. Корни висят в воздухе над старой ямой, а ствол растёт из пустоты. Земля под ним — как будто никогда не знала дерева. А на старом месте — просто трава. И никто не помнит, когда это случилось. Только что — было. И вдруг — нет.

Соня почувствовала холод по спине.

— И вы думаете, что я... тоже «переехала»?

Нико кивнул.

— Именно. Только ты — не дерево. Ты — человек. А люди, когда границы смещаются, обычно... не выживают. Или сходят с ума. А ты сидишь тут, разговариваешь и злишься. Это... редкость.

— Есть ещё кое-что, — Нико понизил голос, снова присел и начал чертить новую линию. — Тот человек из твоего сна.

Соня замерла.

— Он существует.

— Что? — она подалась вперёд, вцепившись в прутья.

— Вот это самое безумное! Он настоящий! Я сначала сам не поверил!

Наставник кашлянул снова — уже строже.

— Нико.

— Что? — парень поднял голову. — Она всё равно узнает. Лучше от нас, чем от него.

Соня смотрела на Наставника.

— Кто он?

— Командир пограничного отряда — ответил старик.

Нико посмотрел на Наставника, потом снова на девушку.

— Тот, кто решает, кого пропустить через границу, а кого... отправить обратно. Навсегда.

И в этот момент где-то за частоколом послышался звук копыт.

Наставник выпрямился.

— Кажется, он вернулся раньше.

Соня почувствовала, как сердце ухнуло куда-то вниз.

— Отлично, — прошептала она. — Просто идеально.

ГЛАВА 5 Слова

Все разошлись по своим делам: Наставник ушел к командиру, Нико убежал в неизвестном направлении, обещая вернуться.

Соня сидела у стены клетки, прижав колени к груди и наблюдала за окружающими. Двор жил своей жизнью. Люди проходили мимо, неся корзины, переговариваясь, иногда бросая на неё короткие, настороженные взгляды. Никто не подходил близко. Она уже перестала быть диковинкой — теперь была просто странной пленницей, которую пока не знали, как воспринимать.

Солнце медленно ползло по небу. Соня следила за теньями. Они двигались неторопливо, но ей казалось, что даже они здесь живут по каким-то своим, невидимым правилам.

Рядом кто-то кашлянул — тихо, почти робко.

— Ты неправильно говоришь, — раздался вдруг тонкий, серьезный голос.

Соня повернула голову.

У клетки стоял мальчик лет семи-восьми. Маленький, худенький, с растрёпанными тёмными волосами и большими внимательными глазами. В руках он держал гладкую палку, будто специально выбранную.

— Что? — спросила Соня.

— Ты говоришь неправильно, — повторил мальчик. —

Слова у тебя... острые. Как камни, которые бросают. Они падают и бьют.

Соня невольно улыбнулась, хотя улыбка вышла усталой.

— Меня зовут Соня. А тебя?

— Бомо, — ответил он просто. — Я слушаю, как люди говорят. Ты говоришь не как мы.

Он присел на корточки у клетки и начал чертить палкой на земле. Линии получались неровными, но уверенными.

— Вот так ты говоришь, — показал он. Короткие, резкие черточки. — А надо вот так.

Он провёл длинную, плавную линию.

Соня смотрела на рисунок в пыли и чувствовала странное покалывание в груди.

— Попробуй, — сказал Бомо. — Скажи медленно: «Я останусь здесь».

— Я... останусь... здесь, — произнесла она, стараясь растягивать слова.

Внутри что-то тихо щёлкнуло. Словно маленькая трещина в стекле, через которую начал просачиваться свет.

Соня почувствовала лёгкое головокружение. Перед глазами мелькнули короткие вспышки — возможные продолжения разговора, разные интонации, разные последствия. Не сильные видения, как раньше, а лёгкие, почти прозрачные.

— Что со мной происходит? — прошептала она.

Бомо посмотрел на неё серьёзно.

— Ты начинаешь говорить как мы. А когда говоришь как

мы — начинаешь видеть, как мы. Немного.

Вдруг ей в голову пришел странный вопрос.

— Зачем ты меня вообще учишь? — спросила она наконец. — Я же не из этого мира?

Бомо пожал плечами.

— Потому что кто-то должен.

Он встал, отряхнул ладони и посмотрел на неё сверху вниз.

— Пока ты говоришь неправильно — ты чужая. Когда научишься — станешь своей. А когда станешь своей... тогда и решится, останешься ты здесь или нет.

С этими словами он развернулся и побежал прочь между домами, оставив Соню одну с его словами и тонкими линиями на земле.

ГЛАВА 6 Выход

Соня слышала, как в замке повернулся ключ.

Щелчок прозвучал неожиданно громко в тишине двора. Дверь клетки приоткрылась с лёгким скрипом.

— Можешь выходить, — сказал он спокойно. — Командир передал ключ. Считает, что ты пока не представляешь опасности.

Соня медленно вышла из клетки. Ноги были ватными после долгого сидения на холодной соломе.

— Осторожно, — произнёс Наставник тихо. — Не спеши.

— Поверьте, — голос вышел хриплым, — после всего я вообще не склонна к резким движениям.

Она сделала несколько шагов по двору, чувствуя, как земля под ногами кажется непривычно твёрдой и настоящей

— Ты быстро адаптируешься, — тихо произнёс Наставник, внимательно наблюдая за ней. — Большинство на твоём месте до сих пор бы кричали или молчали. А ты уже задаёшь вопросы и пытаешься понять правила.

Соня посмотрела на него.

— Я просто притворяюсь, — ответила она. В горле встал ком. — Внутри паника, сарказм и желание проснуться. Только порядок меняется каждую секунду.

Наставник едва заметно улыбнулся уголком губ.

В этот момент со стороны ворот раздался топот. К ним почти бегом подлетел Нико — растрёпанный, с горящими глазами и сумкой через плечо.

— Она уже вышла? — выпалил он, переводя взгляд с Наставника на Соню. — Отлично! Я думал, придётся ждать до вечера.

Он сразу подскочил к Соне, разглядывая её с нескрываемым любопытством.

— Можно? — спросил он и, не дожидаясь ответа, осторожно потрогал рукав её толстовки. — Интересная ткань. Плотная. Не наша.

Соня невольно отступила на шаг.

— Эй, ты что делаешь?

Нико улыбнулся, ничуть не смутившись.

— Изучаю. Ты же из другого мира. Это редкость. Я почти ничего не трогал в твоём рюкзаке, честно. Только посмотрел камеру. Она... очень странная.

Соня вздохнула, но не стала ругаться. В голосе Нико не было злобы — только искреннее любопытство.

Парень тоже не особо смутился и протянул рюкзак.

— Держи. Мы почти не трогали.

— Почти? — Соня вцепилась в лямки. Пальцы дрожали.

— Я только взглянул, — поспешно сказал он. — Научный интерес.

— В следующий раз предупреждай, — деланно посуровела девушка — Я могу начать брать плату за экскурсию по

своей жизни.

Они пошли через двор. Нико шёл рядом, не умолкая:

— Ты действительно ничего не помнишь, как сюда попала? Ни вспышки, ни портала, ничего?

— Только парк, — ответила Соня. — А потом — удар по голове и клетка.

— Классика, — кивнул Нико. — У нас такое иногда бывает. Граница сдвигается, и кто-то проваливается. Обычно они сразу сходят с ума. А ты держишься. Это интересно.

Они прошли через двор и вышли на узкую улицу. Соня оглядывалась по сторонам, пытаясь запомнить дорогу. Дома жались друг к другу, воздух был наполнен запахами дыма, хлеба и лошадей.

— Куда мы идём? — спросила она.

— К Командиру, — ответил Нико. — Он хочет поговорить с тобой лично.

Они двинулись через двор. Наставник впереди. Нико рядом — бросал быстрые взгляды, будто пытался сложить её в голове, как чертёж.

— Ты правда фотограф? — не выдержал он.

— Пока да, — ответила Соня. — Судя по всему, ненадолго.

— У нас изображения мира фиксируют иначе.

— Отлично, — она усмехнулась криво. — Буду экзотикой.

Они вышли за ворота.

Улица раскрылась внезапно — узкая, каменная, дома жались друг к другу, как от холода. Потом пространство расширилось: голоса, повозки, запахи дыма, хлеба, металла.

Соня замедлила шаг. Дыхание сбилось.

— Это... — начала она и осеклась.

— Реально? — подсказал Нико.

— Нет, — покачала головой. Горло сжалось. — Как бы точнее описать: скорее логично.

Он удивлённо посмотрел.

— В каком смысле?

— В том, что у этого мира есть причины быть именно таким, — слова выходили медленно, растянуто, как учил Нико. — Не декорации. Не сон, а какая-то причинно-следственная цепочка.

— Тогда тебе здесь будет тяжело.

Они свернули за угол.

Соня остановилась сама — не поняла почему.

У края площади стоял он.

Высокий. Спинай к ним. Тёмный плащ, капюшон откинут. Прямая спина. Движения экономные, без единого лишнего. Говорил тихо — но люди вокруг слушали так, будто от его слов зависело всё.

Сердце ухнуло вниз. Холод пополз по позвоночнику.

— Это он? — прошептала Соня.

Нико не ответил сразу.

— Да. Командир.

— Он не похож на человека из сна, — голос дрогнул.

Командир обернулся.

Лицо наполовину в тени. Глаза — тёмные, острые, без колебаний смотрели прямо в неё.

Дыхание перехватило. В этом человеке было что-то пугающее.

— Вы не должны были приводить её сейчас, — сказал он. Голос низкий, ровный.

Соня шагнула вперёд. Пальцы сжались в кулаки.

— Я уже здесь, — произнесла она медленно, растягивая слова. — Значит, с таймингом придётся смириться. И с последствиями.

Нико смущенно кашлянул.

Командир перевёл на неё долгий испытывающий взгляд.

— Вы понимаете, где находитесь?

— Пока нет, — честно ответила Соня. Горло саднило. — Но у меня ощущение, что это не случайность. И что вы знаете больше, чем говорите.

Он не стал отрицать.

— Разумеется.

— Я не люблю необъяснённые закономерности, — сказала она тише. — А вы выглядите как человек, который их создаёт.

Уголки его глаз дрогнули — почти незаметно. Он был явно не рад, что её привели сюда.

Но всё равно кивнул Наставнику и сделал короткий жест

рукой, приглашая следовать за ним.

— Идём, — сказал он низким голосом. — Разговор будет долгим.

ГЛАВА 7 Разговор

Командир замедлился у края площади и остановил свой взгляд на девушке.

— Вы быстро ориентируетесь, — произнёс он наконец.

От его ровного и низкого голоса по коже побежали мурашки. Соня сдвинула брови и в ответ на его прямой недружелюбный взгляд просто пожала плечами.

Он хмыкнул, огляделся вокруг и жестом пригласил войти в небольшое каменное строение неподалёку от площади.

— Нам лучше поговорить внутри, — сказал он. — Здесь слишком много ушей.

Внутри было прохладно и сумрачно. Толстые стены, простой деревянный стол, два тяжёлых стула и очаг с тлеющими углями. Пахло дымом, старым деревом и чуть-чуть — воском.

— Садитесь, — произнёс Командир.

Соня села. Ноги гудели, плечи ныли. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, но старалась не показывать этого.

Командир остался стоять. Высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица и тёмными глазами, которые смотрели прямо и без лишней мягкости. Широкий шрам на скуле был заметен даже в полумраке.

Он долго молчал, просто разглядывая её.

— Вы особо не напуганы, — сказал наконец коротко.

Соня усмехнулась уголком рта.

— Ещё как напугана. Просто устала так, что страх уже не помещается. Внутри места не осталось.

Командир едва заметно кивнул, будто этот ответ его устроил.

— Возвращение домой, — начал он без предисловий. — Пока невозможно.

Соня сжала кулаки под столом.

— Почему?

— Граница закрыта. Вы прошли в момент разрыва. Такие проходы не повторяются просто так. Нужно ждать следующего сдвига. А он может быть через месяцы. Или годы.

Соня смотрела на него, чувствуя, как внутри пробегает неприятный холодок надвигающейся катастрофы.

— Мне снова повезло, — горько усмехнулась Соня.

— Обычно люди, попавшие туда, либо ничего не помнят, либо... не возвращаются.

— А я — где-то посередине.

— Да.

— А мои сны? — спросила она. — Поляна. Стрела. Вы. Это что?

Никто не ответил ей.

— Хорошо. Тогда перейдем без красивых слов прямо к делу: я видела это место раньше. Во сне.

— Поляну, — уточнил он.

— И человека, — добавила Соня. Голос задрожал. — Ко-

торый каждый раз там умирает.

Командир не дрогнул.

— Вы знаете, кто это.

— Догадываюсь.

— Это вы. Я уверена.

Она посмотрела ему прямо в глаза. В них отражался огонь из очага — мерцающий, живой.

Тишина стала густой, почти осязаемой.

— В этих снах вы погибаете, — продолжила Соня. Слова выходили медленно, растянуто — как учил Нико. — Иногда стрела другая. Иногда момент. Иногда место. Но конец один.

Где-то у стены Нико шумно вдохнул.

Командир помолчал. Потом ответил тихо и жёстко:

— Я уже слышал об этом. Варианты моей смерти.

Соня нахмурилась. В груди стало жарко.

— И вас это... устраивает?

— Нет.

— Тогда почему вы ничего не делаете?

Он посмотрел на неё — долго, внимательно.

— Потому что, если этого не происходит, последствия будут хуже.

— Хуже — это как? — голос сорвался. — Для вас? Или для всех?

— Для всего мира.

Соня откинулась на спинку стула и шумно выдохнула. Ее, видимо, здесь не понимают, или разыгрывают.

— Нико.

— Что?

— Ты знал?

Парень отвёл взгляд.

— Частично.

— Значит, — Соня опять переключилась на командира

— я здесь, потому что вы ищете способ изменить это... не разрушив всё.

— Да.

— И я — часть вашего плана.

— Вы, как бы поделикатнее назвать, переменная, — сказал он. — Та, которой здесь быть не должно. Каждый ваш выбор, каждое слово, каждый взгляд меняет течение. Некоторые хотят тебя использовать. Другие — убрать.

Соня долго молчала. Потом подняла на него глаза и взорвалась.

— Тогда что вы вообще тут делаете? Или просто ждёте, пока всё случится само? Сидите здесь, говорите короткими фразами и смотрите на меня, как на бомбу с часовым механизмом.

Командир посмотрел на неё прямо.

— Потому что любое действие имеет цену. Если я начну быстро что-то предпринимать — могу разрушить то, что ещё держится. А вы... если начнёте лезть во всё подряд — можешь разорвать окончательно.

Соня откинулась на спинку стула. Голос её стал чуть рез-

че, с привычной иронией:

— Круто. Значит, я теперь ходячая катастрофа. Отличная новость.

Командир не улыбнулся. Только слегка наклонил голову.

— Ты хочешь честности?

— Да.

— Тогда вот она. Я не знаю, что с тобой делать. Но знаю, что убивать тебя нельзя. И отпускать — тоже. Пока.

Соня как-то даже не заметила, что они перешли на «ты». Нико сидел молча и переводил взгляд с одного на другого

— Хорошо. Тогда давай договоримся. Я не буду лезть туда, куда не следует. Буду вести себя... относительно тихо. Но за это ты тоже будешь честным. Без этих твоих «для твоего же блага» фраз. Договорились?

Командир смотрел на неё несколько секунд. Потом коротко кивнул.

— Договорились.

Он отвернулся к очагу, подбросил в него пару поленьев. Огонь ожил, осветив его лицо резкими тенями.

— Отдыхай, — сказал он. — Завтра будет тяжёлый день.

Соня встала. Уже у двери она остановилась и тихо добавила:

— Я не собираюсь быть пешкой в вашей игре. Ни в чьей. Командир не обернулся.

— Я знаю, — ответил он. — Именно поэтому ты до сих пор жива.

Девушка встала на ноги.

— Значит, у нас рабочие отношения. Странные. Но пока... меня они устраивают, на этом этапе.

ГЛАВА 8 После разговора

Командир открыл дверь первым. Соня поднялась следом — ноги казались тяжёлыми, будто после многочасовой прогулки.

— Нико, — произнёс он в коридоре. — Будь добр, отведи её. Комната готова. До утра — покой.

Они поднялись по узкой деревянной лестнице. Нико шёл впереди, иногда оглядываясь, словно проверял, не исчезла ли она по дороге.

— Если что-нибудь понадобится — я буду рядом, — сказал он у двери. — Просто крикни.

— Спасибо, — ответила Соня. — Я в порядке.

Нико кивнул и ушёл вниз. Дверь за ним закрылась тихо. Соня осталась одна.

Комната была маленькой и простой: узкая кровать, стол, стул, мутное окно. Ничего лишнего.

Она села на край кровати и медленно выдохнула. Усталость навалилась постепенно, мягко, как вечерний сумрак. Плечи наконец расслабились. Руки лежали на коленях — тяжёлые, спокойные. Рюкзак с камерой, объективами, блокнотом и «мертвым» телефоном лежали тут же, на полу.

Слово «дома» мягко повисло в воздухе. Она вспомнила свою квартиру: мягкий свет настольной лампы по вечерам,

стопку распечатанных фотографий на столе, запах свежесваренного чая с бергамотом, тишина, когда за окном шумит город. Вспомнила, как сидела на подоконнике, записывала заметки: «свет в 17:42 — золотой, тёплый», «тени от липы у метро — длинные, как пальцы». Запах дождя после грозы. Смех друзей на крыше под дешёвое вино и огни города. Всё это было живым, близким, настоящим. Теперь — холодные стены и тишина, в которой слышно только собственное дыхание.

Открыв рюкзак, она проверила содержимое: камера, объективы, «мертвый» телефон и блокнот.

Взяв в руки, девушка открыла его на случайной странице. Пусто.

— Конечно, — сказала она тихо, почти ласково. — Когда есть что записать — некуда. А когда есть куда — нечего.

Раздраженно его закрыв, она швырнула его обратно и не раздеваясь легла на кровать смежив веки.

В голове крутились обрывки. Её квартира. Запах кофе по утрам. Мама, которая звонила каждое воскресенье и спрашивала, поела ли она нормально. Работа фотографа — съёмки, клиенты, дедлайны, моменты, когда мир через объектив становился понятным и управляемым.

А теперь — клетка, Командир, Нико, Наставник и целый мир, который медленно сжимается.

Соня посмотрела на свои руки. Они слегка дрожали.

«Я здесь уже почти сутки, — подумала она. — А кажется,

прошла вечность».

Она встала, подошла к окну. За мутным стеклом виднелся двор и часть улицы. Люди шли, несли корзины, переговаривались. Всё выглядело обыденно. Но Соня уже чувствовала: это только видимость. Под ней — что-то хрупкое и напряжённое.

Она вернулась к кровати и достала из рюкзака камеру. Повертела в руках. Привычная тяжесть, знакомые кнопки. Камера всегда была её способом видеть мир чётче.

«А что, если... — подумала она. — Что, если она здесь может показывать не только то, что есть, но и то, что может быть?»

Соня включила камеру. Экран загорелся. Она навела объектив на стену комнаты. Сначала всё было нормально. Потом изображение слегка дрогнуло. На долю секунды она увидела два варианта: комнату пустую и комнату, в которой она уже спит.

Соня опустила камеру.

— Это уже не просто фотоаппарат, — прошептала она.

Она легла на кровать, не раздеваясь, и закрыла глаза. Мысли всё ещё крутились: мама, работа, парк, Командир, поляна, стрела...

Но усталость была сильнее.

Соня не заметила, как провалилась в тяжёлый, глубокий сон.

ГЛАВА 9 Утро

Соня резко проснулась. Она села на кровати и несколько секунд просто смотрела в потолок, пытаясь понять, где находится. Комната была на месте — узкая, аскетичная, с мутным окном. За ним стояло серое, невыразительное утро. Свет был ровным, холодным, без единого тёплого оттенка.

Снизу, из щели приоткрытой рамы, тянуло сырым камнем и запахом лошадей, смешанным с ароматом свежего хлеба. Голоса возникали и гасли: кто-то громко торговался, женщина выкрикивала имя ребёнка, где-то неподалёку возчик размеренно, привычно ругал. Особенно отчётливо пробивался звук железных ободьев по булыжнику — сухой, царапающий, будто кто-то водил огромным напильником по стеклу. Иногда телега попадала колесом в выбоину, и тогда раздавался короткий деревянный стук, после которого лошадиная упряжь звенела, как плохо настроенная мандолина.

Она встала, подошла к тазу с водой и умылась. Холодная вода немного отрезвила. Соня вытерла лицо и посмотрела на рюкзак. Достала камеру, повертела в руках. Обычная. Привычная тяжесть, знакомые кнопки. Никакого свечения, никаких странных ощущений.

— Хотя бы ты осталась нормальной, — тихо сказала она. В дверь постучали — негромко, но настойчиво.

— Войдите, — ответила Соня.

Зашёл Нико. Он оглядел комнату, слегка поморщился.

— Могли бы дать место получше, — заметил он. — Но Командир считает, что лишнее не нужно.

— Я уже поняла, — усмехнулась Соня. — Он вообще не любит ничего лишнего.

Нико улыбнулся.

— Пойдём завтракать? Здесь недалеко, в городе. Нормальная еда, без сюрпризов.

— С радостью, — ответила Соня, закидывая рюкзак на плечо. — Я умираю с голоду.

Они вышли на улицу.

Утро было тихим. Люди шли по своим делам, не торопясь. Соня внимательно рассматривала окружение: каменные дома, узкие улочки, дым из труб, запах свежего хлеба и лошадей. Всё выглядело обыденно, но теперь она чувствовала под этим слоем что-то другое — лёгкое напряжение пространства, будто мир здесь был немного тоньше, чем должен быть.

Мальчишка лет десяти пробежал, держа в руке деревянную лошадку на верёвочке. Лошадка подпрыгивала, стучала копытцами по камням — звук был правильный, чуть гулкий, как положено. Мальчишка не оглядывался.

Две женщины в одинаковых тёмно-синих пальто остановились у телеги с капустой. Одна наклонилась, потрогала кочан, сказала что-то про цену — Соня не расслышала слов, но интонация была знакомая, та самая, которой торгуются уже

сто лет. Вторая кивнула, чуть скривила губы — тоже правильно, тоже, как всегда.

— Это самое странное, — сказала она.

— Что именно? — спросил Нико.

— То, что всё похоже на обычный город. Как будто я здесь давно живу.

Нико посмотрел на неё внимательнее.

— Во всех мирах, — сказал он, махнув рукой. — есть такие обыденные вещи.

Они шли по узкой улице, потом свернули во двор, потом ещё раз. Соня быстро потеряла ориентиры. Дома были очень похожи.

— Куда идём? — спросила она.

— Туда, где кормят, — ответил Нико. — И где на тебя не будут пялиться, как на редкую птицу.

— Спасибо, — сказала Соня. — Не люблю быть экспонатом.

— Это временно, — ответил он. — Пока ты новая. А потом все привыкнут.

Они зашли в небольшой дом с низкой скрипучей дверью — пришлось пригнуться, чтобы не задеть притолоку. Внутри сразу обняло тепло, густое, живое, пропитанное запахом горячей каши, дымка от горящих дров и ещё чего-то — может, капусты с мясом, может, просто долгого человеческого присутствия в маленьком пространстве.

Соня села за стол. Их усадили за стол у окна. Принесли

густую горячую кашу с мясом и свежий хлеб.

Соня попробовала. Еда оказалась неожиданно хорошей — сытной, тёплой, с правильными специями.

— Неплохо, — сказала она, делая очередной глоток. — Для параллельного мира вполне.

Нико усмехнулся.

— Привыкай, — ответил Нико. — У нас многое так. Просто. Без изысков.

Соня замолчала, глядя в чашку.

— Скажи честно, — спросила она наконец. — Вы правда не знаете, чем это закончится?

Нико помолчал. Некоторое время они завтракали молча.

— Нет, — сказал он. — Предполагаем только варианты. Хороших мало.

Соня допила и поставила чашку на стол.

— Покажи мне границу, — сказала она.

Нико замер.

— Какую?

— Ту, через которую я попала сюда.

Соня встала, закинула рюкзак на плечо и направилась к выходу.

Нико догнал её на улице.

— Ты уверена? Это не игрушка.

— Идём!

Они доели и вышли на улицу. Нико повёл её по лабиринту узких улочек. Чем дальше они шли, тем заметнее меня-

лось пространство. Воздух становился чуть плотнее, звуки — приглушённое.

— Здесь есть разлом, — сказал Нико, останавливаясь у старого дуба на небольшой площади.

Соня достала камеру и навела объектив на дерево.

Сначала всё было нормально. Потом изображение дрогнуло. На долю секунды она увидела два варианта дуба одновременно: один стоял чуть левее, другой — правее. Оба существовали в одном пространстве, накладываясь друг на друга.

Соня опустила камеру. В груди появилось знакомое напряжение.

— Я чувствую их, — тихо сказала она. — Варианты. Они... рядом. Как будто мир здесь немного... рваный.

Нико кивнул.

— Ты начинаешь видеть глубже. Это значит, что твоя связь с границами становится всё крепче.

Соня посмотрела на него.

— И это хорошо или плохо?

Нико пожал плечами.

— Пока не знаю. Но точно — не скучно.

Они постояли ещё немного у старого дуба. Соня снова подняла камеру и посмотрела сквозь объектив. На этот раз изображение дрожало сильнее. Она увидела, как ветви дерева слегка смещаются, будто в одном варианте ветер дул с другой стороны. На долю секунды ей даже показалось, что она услышала тихий шелест листьев, которого на самом деле

не было.

— Становится сложнее контролировать, — тихо сказала она, опуская камеру. — Раньше это было как вспышки. Теперь... как постоянный шум на фоне.

Нико кивнул, не отрывая взгляда от дерева.

— Значит, ты уже начинаешь привыкать к этому миру. Или он — к тебе.

Соня убрала камеру в рюкзак и посмотрела на Нико.

— А если я не хочу привыкать?

Нико улыбнулся — чуть грустно.

— Тогда тебе будет очень тяжело. Потому что этот мир уже начал привыкать к тебе. Ну что, идем дальше?

ГЛАВА 10 Граница

Они шли к окраине города. Чем дальше от центра, тем заметнее менялся пейзаж. Дома становились ниже и ветхее, штукатурка облупилась, окна во многих местах были заколочены или забиты досками. Между зданиями всё чаще попадались пустые участки, заросшие высокой, сухой травой. Город постепенно сдавал позиции, переходя в пригород, а потом — в почти дикую местность.

Соня шла молча, чувствуя, как с каждым шагом внутри нарастает напряжение. Воздух становился тяжелее, плотнее, словно пространство здесь сопротивлялось движению.

Наконец они подошли к границе леса. Старые деревья стояли плотно, почти стеной, их кроны смыкались высоко наверху, создавая полумрак даже днём.

Соня остановилась в нескольких метрах от первых стволов.

Лес впереди был не один. Он существовал сразу в нескольких вариантах, наложенных друг на друга с лёгким сдвигом, как плохо склеенные плёнки старого диапроектора.

Первый — тихий. Почти пустой. В нём пахло мокрой хвоей и прелой листвой, но без гнили — чисто, прохладно, как в очень раннее утро, когда ещё никто не проснулся. Этот лес был почти безопасным.

Второй — тяжёлый. В нём воздух был густой, липкий, словно запахи здесь не смешивались, а стояли слоями: сначала железо и ржавчина, потом горелая шерсть, потом что-то сладковато-гнилое, от которого язык сразу становился чужим. Деревья стояли слишком близко, стволы изгибались не по правилам роста, а по правилам боли. Под ногами хрустело не только сухое, но и что-то мягкое, податливое, чего лучше не называть. В этом лесу птицы не пели. Они вскрикивали один раз — резко, коротко — и замолкали навсегда.

А между ними, в просветах, мелькал третий — или, может быть, это был просто шум от соприкосновения первых двух.

Он был серым, как газетная фотография, на которой забыли проявить контраст. В нём не было ни запаха, ни звука, ни температуры.

Соня пошатнулась.

Открыла глаза и на мгновение все три кадра совпали в одном. Тело отозвалось сразу — лёгкая тошнота, тяжесть в груди, онемение в пальцах.

Нико подхватил её за руку.

— Хватит, — сказал он. — Не надо дальше.

— Я поняла, — сказала она, слегка морщась. — Увидеть — это одно. А почувствовать всем телом — совсем другое. Видения имеют цену.

Нико кивнул и посмотрел на неё с лёгкой тревогой.

— Будь осторожнее. Командиру это точно не понравится.

Соня усмехнулась, хотя улыбка вышла усталой.

— Я не обещала делать всё, как ему удобно.

Нико вздохнул, но спорить не стал.

Соня достала камеру. Навела на лес.

Через объектив всё выглядело чётче. Свет ровнее. Но напряжение осталось — она чуть нахмурилась.

— Видишь? — спросила она. — Они не исчезает.

— Ты уже научилась их различать. Это уже немало. — ответил Нико — Но, на сегодня хватит. Нам пора.

— Нико, — сказала она.

— Да?

— Если я в следующий раз не смогу справиться, — она помолчала, подбирая слова, — ты мне поможешь?

— Постараюсь, — ответил он. — Даже если тебе это не понравится.

Соня кивнула.

— Хорошо.

Они постояли ещё немного, потом развернулись и пошли обратно в город. За спиной остался лес — тихий, плотный, полный невидимых вариантов будущего.

ГЛАВА 11 Первая трещина

Командир узнал о вылазке не от них.

Соня ещё у ворот поняла, что все уже в курсе, где они только что были. Стражники не преградили дорогу, но смотрели пристальнее. Один задержал взгляд на Нико, потом медленно перевёл на неё — и не отвёл сразу.

— Они в курсе, — прошептала Соня, почти не разжимая губ.

Нико коротко кивнул, не глядя на неё.

— Тогда идём быстрее.

Во дворе было оживлённо. Люди стояли группами, переговаривались вполголоса. Когда Соня прошла мимо, разговоры стихли. Она шла ровно, не ускоряясь, чувствуя, как внимание цепляется и тут же отводится — словно никто не хотел задерживаться слишком долго.

Командир ждал их в боковом помещении. У длинного стола лежала карта — потёртая, с тёмными краями, исписанная пометками. Линии на ней пересекались и обрывались, как будто сама поверхность сопротивлялась попыткам привести её в порядок.

Он поднял голову, как только они вошли.

— Останься, — сказал он Нико.

Нико остановился у двери, не задавая вопросов. Напряжение в его позе было заметно.

Командир перевёл взгляд на Соню.

— Вы были у границы.

— Да.

— Надолго?

— Нет.

Он кивнул.

— Но этого хватило.

Соня не отвела взгляда.

— Я хотела понять, что со мной происходит.

— И поэтому пошли туда без предупреждения?

— Мы говорили о честности, — сказала Соня. — Я ничего не скрывала.

Командир поднял взгляд.

— Мы также говорили о риске.

Он указал на карту.

— Смотрите.

Соня наклонилась. Некоторые участки были обведены, перечёркнуты. Рядом стояли короткие записи, сделанными разными руками: «сдвиг 3 ч», «полное наложение», «не вернулась», «тишина 47 дней».

— Здесь граница смещалась, — сказал Командир. — Иногда ненадолго. Иногда — навсегда. И каждый раз кто-то думал, что он «должен понять».

— И сегодня? — спросила Соня.

Командир посмотрел ей прямо в глаза — так, что Соня почувствовала холод между лопаток.

— Пока тишина.

— Это хуже.

— Почему?

Голос его стал тише, но, как будто, отчетливее.

— Потому, что когда ничего не происходит сразу — последствия уже расходятся. Веером. Каждый вариант начинает жить сам. Своими запахами. Своими тенями. Своими воспоминаниями. И чем дольше тишина — тем дальше они ушли друг от друга. Их уже почти невозможно догнать. И невозможно отрезать

Соня почувствовала, как ладони становятся мокрыми.

— Я почувствовала несколько вариантов, — сказала она.

— Лес был разным. Один — пустой и очень чистый. Другой — тяжёлый. А между ними... просто серое ничто.

Командир выпрямился.

— Уверены?

— Да.

Он перевёл взгляд на Нико — долгий, обвиняющий. Потом снова на неё.

— Это слишком рано.

Нико шагнул вперёд.

— Для чего? — спросил Нико.

— Для контроля, — ответил Командир.

Соня сжала лямку рюкзака.

— Я больше не пойду туда одна, — сказала она.

Командир покачал головой.

— Этого недостаточно.

— Тогда я скажу, — продолжила Соня, — когда почувствую, что могу не остановиться.

Командир молчал несколько секунд. Затем кивнул.

— Хорошо. Но мы будем следить. Каждую минуту.

Он резким движением свернул карту и отложил её в сторону.

— На сегодня хватит. Вам нужен отдых.

Соня направилась к выходу и уже у двери остановилась.

— Если я зайду слишком далеко, — сказала она, — вы меня остановите?

Командир ответил не сразу.

— Если успею.

Соня кивнула и вышла. Дверь закрылась за ней почти беззвучно.

Но ощущение взгляда в спину осталось.

ГЛАВА 12 Следы

К вечеру на улице похолодало. Соня заметила это не сразу — только когда поймала себя на том, что зябко поводит плечами. Из тёплой одежды у неё была лишь толстовка. Она машинально потянула рукава ниже и подумала, что стоит спросить Нико о плаще, когда резкий звук прорезал воздух.

Крик был высоким и сорванным.

Соня обернулась.

У стены стояла женщина. Рядом лежала корзина на боку, яблоки рассыпались по камням, глухо стучаясь друг о друга. Женщина смотрела вверх и кричала снова — уже без слов.

Соня проследила за её взглядом.

Балкон второго этажа. Потемневшие перила. Мальчик перегнулся слишком далеко, будто тянулся за чем-то, чего не существовало. Его нога соскользнула, тело качнулось.

Соня побежала.

Она не подумала, не оценила расстояние и не попыталась выбрать. Она знала, что будет дальше.

Падение. Камень. Поздно.

Ноги налились тяжестью, но она не остановилась.

Мальчик сорвался.

Соня вскинула руки — не рассчитывая, не предполагая просто потому, что иначе она сделать не могла.

Всё произошло одновременно.

Она потеряла равновесие и упала на камни. На мгновение потемнело в глазах, дыхание сбилось.

— Держу! — крикнул кто-то сверху.

Шум накрыл двор. Голоса, шаги, резкие движения — пространство сжалось, стало плотным.

Соня лежала, глядя в серое небо между крышами. Камень под ладонями был холодным и шероховатым. В груди жгло, но дыхание постепенно выравнивалось.

— Он жив! — раздался голос.

Соня повернула голову.

Мальчика удерживали сразу несколько рук. Его тянули назад, на балкон. Он плакал, захлёбываясь, но держался. Женщина прижимала его к себе, повторяя что-то бессвязное, уткнувшись лицом ему в волосы.

Нико оказался рядом почти сразу.

— Ты как?

— Нормально, — сказала Соня и поняла, что это неправда.

Он помог ей сесть. Двор всё ещё шумел, но звук стал иным — осторожным, будто люди не были уверены, можно ли говорить в полный голос.

— Что ты сделала? — спросил Нико.

Соня посмотрела на балкон. Потом на яблоки, которые кто-то уже собирал обратно в корзину.

— Я не дала этому случиться.

Во дворе стало тише. Люди оборачивались. Кто-то смотрел на Соню слишком долго, кто-то сразу отводил взгляд, будто не хотел быть замеченным.

Соня почувствовала это раньше, чем увидела.

У входа во двор стояла женщина в тёмном плаще. Она не выглядела запыхавшейся или удивлённой, словно была здесь задолго до крика. Стояла прямо, руки скрыты под плащом, взгляд спокойный и цепкий.

— Ты не должна была вмешиваться, — сказала она.

Голос прозвучал отчётливо, будто пространство вокруг стало меньше.

— Он бы упал, — сказал кто-то рядом.

— Да, — спокойно ответила женщина. — В одном из вариантов.

Соня поднялась, опираясь на стену. Плечо отозвалось болью, но она не обратила на это внимания.

— Я не выбирала варианты, — сказала она. — Я просто побежала.

— Вот именно, — сказала женщина.

Нико шагнул вперёд.

— Хватит.

Женщина перевела на него взгляд, затем снова посмотрела на Соню.

— Я из Уруна, — сказала она.

Слово прошло по двору, как короткий холодный порыв. Люди отступили. Кто-то отвернулся. Кто-то поспешно ушёл,

уводя ребёнка за руку. Двор опустел быстрее, чем Соня ожидала.

Женщина смотрела на неё внимательнее.

— Ты почувствовала тяжесть, — сказала она.

— Да.

— Потому что ты сдвинула выбор целиком, — сказала женщина. — Без остатка.

— Он жив, — сказала Соня.

— Это не важно, — ответила женщина.

Слово повисло между ними.

— Тогда говори, — сказала Соня. — Что дальше?

— Не здесь, — сказала женщина. — И не сейчас.

Она перевела взгляд на Нико.

— Командир уже знает.

Нико побледнел.

— Насколько плохо?

— Достаточно, — ответила женщина. — Чтобы больше не считать это случайностью.

Соня усмехнулась.

— Значит, я проблема.

— Ты узел, — сказала женщина. — Мы ещё поговорим, Сон.

Соня не заметила момента, когда женщина исчезла из поля зрения. Но заметила новое имя, которым она её назвала.

Звуки возвращались постепенно. Шаги, голоса, обычный городской шум — такой, который старательно делает вид,

что ничего не произошло.

Нико взял Соню под локоть.

— Пойдём.

Они двинулись к выходу из двора.

Соня оглянулась.

В углу, у стены, стоял мужчина. Он смотрел в их сторону — не на Соню, а на балкон, где всё ещё стояла женщина с ребёнком. Лицо мужчины было странно неподвижным. Глаза — мутные, как будто он видел не только то, что перед ним.

Он медленно повернул голову и бесцельный взгляд задержался на девушке.

Соня почувствовала холод в груди.

— Кто это? — спросила она тихо, почти не разжимая губ.

Нико не обернулся. Он продолжал смотреть вперёд, на улицу, где люди шли ровно, не толкаясь, не оглядываясь.

— Один из тех, кто уже не различает варианты. Теперь их становится больше — заражённых.

Соня сглотнула.

— Заражённых?

Нико наконец повернул голову — чуть-чуть, только чтобы она увидела его глаза.

— Когда человек слишком долго смотрит на границу — или слишком близко к ней подходит, — он начинает видеть всё сразу. Все варианты. И не может выбрать. Начинает жить во всех одновременно. Сначала это просто... рябь. Потом — шум. Потом — уже не отличишь, где его воспоминания,

а где чужие. Где его боль, а где та, что случилась в другом варианте.

Соня посмотрела на мужчину ещё раз. Он уже отвернулся — смотрел на стену, будто там было что-то важное.

— И что с ними происходит потом? — спросила она, хотя уже боялась услышать ответ.

Нико помолчал.

— По-разному. Некоторые просто уходят. Исчезают — и никто не помнит, куда. Другие... перестают быть собой. Говорят, в голове у них теперь не одна жизнь, а несколько. И они не знают, какая из них настоящая. Иногда они начинают говорить с людьми, которых здесь нет. Иногда — плачут по тем, кто ещё не умер. Иногда — смеются над тем, что в этом варианте ещё не случилось.

Он сделал паузу.

— А иногда они начинают... исправлять. Приводить всё к одному. Своему. Любыми способами.

Соня почувствовала, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

— И он... давно такой?

— Не знаю. Может, неделю. Может, год. Время для них течёт иначе.

Мужчина вдруг шевельнулся. Поднял руку — медленно, будто под водой — и коснулся стены ладонью. Пальцы разошлись, словно он хотел вдавить её в кирпич. Или войти сквозь неё.

Потом он замер.

И Соня увидела: на стене, прямо под его ладонью, появилась тонкая трещина. Не глубокая. Почти незаметная. Но она была. И она росла — очень медленно, на доли миллиметра за секунду.

Нико резко взял Соню за локоть. Навстречу им бежал стражник, призывая вернуться обратно.

— Не смотри долго.

Она вздрогнула.

— Почему?

— Потому что взгляд — это уже выбор. А когда смотришь на них слишком долго... они начинают смотреть на тебя. И тогда ты уже не уверен — это ты смотришь на него, или он — на тебя из другого варианта.

Соня заставила себя отвернуться.

Город жил своей жизнью. Люди шли, несли корзины, переговаривались, смеялись в нужных местах. Но где-то в нём уже ходили те, кто не может выбрать. Те, для кого каждый миг — это уже несколько развилок, и все они настоящие.

И она, возможно, только что сделала первый шаг к тому же.

ГЛАВА 13 Точка наблюдения

Войдя внутрь в уже знакомый кабинет, она сразу заметила перемены. Командир стоял у окна и не обернулся, когда они вошли. Свет падал сбоку, оставляя лицо наполовину в тени.

Чуть в стороне, почти неразличимый в полумраке, у стола сидел Наставник. Он поднял взгляд, встретился с Соней на мгновение и снова опустил глаза.

На столе лежал камень.

Соня заметила его сразу. Он был слишком тёмным для этого света и слишком ровным, и совершенным по форме, чтобы быть просто булыжником. Лежал ближе к краю столешницы, будто его недавно подвинули — или положили с расчётом, чтобы она увидела первой.

Нико остался у двери.

— Закрой, — сказал Командир, не оборачиваясь.

Нико закрыл дверь и отступил на шаг.

Командир повернулся.

— Вы вмешались, — сказал он. — При людях.

— Не намеренно, — ответила Соня.

Он подошёл к столу и коснулся камня кончиками пальцев, будто проверяя поверхность.

— Это хуже, чем у границы, — сказал он.

— Мальчик жив, — сказала Соня.

— Сейчас это уже не важно, — ответил Командир.

Он положил ладонь на камень и надавил. Послышался сухой, короткий треск. По чёрной поверхности прошла тонкая серебристая линия, будто трещина была там всегда и просто ждала усилия.

Наставник поднял голову. Голос его был тихим, но каждое слово падало тяжело.

— Это связочный камень. Его используют там, где выбор перестаёт быть частным делом одного человека.

Командир убрал руку. Трещина осталась — тонкая, но заметная.

— Он не держит варианты, — продолжил Наставник. — Он показывает, где они уже сошлись в узел. Если давление слишком сильное — камень трескается. Не сразу. Но неизбежно.

Соня посмотрела на тонкую линию.

— Ты вмешалась не в исход, Соня, — сказал Наставник, впервые назвав её по имени в этом разговоре. — Ты вмешалась в сам узел.

Командир взял со стола второй камень — целый, без единой царапины — и протянул ей.

Она не сразу протянула руку.

— Держи его при себе, — сказал Командир.

Соня взяла камень. Он был холодным и гораздо более тяжёлым, чем она думала. Такой случайно не забудешь в кармане.

— Он фиксирует присутствие, — добавил Наставник. — Не защитит, но напомним о присутствии.

— Чьём присутствие? — спросила Соня тихо.

— Твоём, — ответил он. — В тех местах, где выбор начинает смещаться раньше времени.

Командир повернулся к окну.

— С этого момента ты не действуешь одна ни при каких обстоятельствах, — сказал он.

— А что, если я не успею? — спросила Соня.

Командир промолчал. Наставник ответил вместо него:

— Тогда рядом будет тот, кто увидит раньше. Или тот, кто сможет удержать.

Он сделал паузу — долгую.

— Женщина из Уруна — одна из таких.

Соня подняла взгляд.

— Она следит за мной?

— Урун не вмешивается, пока выбор остаётся локальным, — сказал Наставник. — Сегодня он локальным не был.

— Она сказала, что я — узел.

— Потому что ты не смещаешь варианты по одному, — тихо продолжил он. — а собираешь их в одной точке. Это очень опасно. И для тебя. И для всего остального.

Командир обернулся.

— Достаточно, — сказал он и голос зазвенел. — Больше не будем считать происходящее случайностью.

Он снова посмотрел в окно — будто там, за стеклом, уже

начиналось то, о чём они говорили.

— Иди.

Соня сжала камень в кулаке и направилась к двери.

Наставник поднялся и пошёл рядом — молча, пока они не оказались в коридоре.

Тогда он спросил, не глядя на неё:

— Ты всё ещё чувствуешь, где слова начинают работать иначе?

— Да, — ответила Соня. — Но теперь все это требует усилия. Как будто кто-то держит меня за запястье.

— Так и должно быть, — сказал он. — Значит, ты вмешиваешься не вслепую.

Она посмотрела на камень в ладони. Он не нагрелся от ее тепла.

— Это из-за него?

— Не совсем. Он просто фиксирует момент. Остальное делаешь ты.

— А если я потеряю его?

Наставник остановился.

— Ты почувствуешь. Он не даст тебе забыть, где ты находишься.

Соня посмотрела ему в глаза.

— И дальше будет так же?

— Нет, — ответил он тихо. — Либо научишься останавливаться раньше. Либо станет гораздо сложнее.

Он сделал шаг назад.

— Мы с Командиром действуем по приказу. У нас есть пределы, за которые мы не выходим.

— А Урун? — спросила она.

— Он будет наблюдать. Не вмешиваться. Не помогать.

— А если я им понадобится?

Наставник долго молчал.

— Тогда они сами придут. И лучше, чтобы к тому моменту ты уже знала, что делаешь.

Он развернулся и ушёл обратно в кабинет.

Соня осталась одна в коридоре огорошенная этими обрывками информации.

А камень все еще лежал в ладони — холодный, тяжёлый, неподвижный.

Она сжала его сильнее.

Глава 14 Наблюдатель

Ночь наступила быстро.

Соня вернулась в комнату, когда во дворе почти погас свет. Коридоры опустели, шаги звучали глухо. У лестницы её догнал Бомо — тот самый мальчик, с которым она уже сталкивалась днём.

— Ты опять не туда идёшь, — сказал он и указал на соседний пролёт. — Твоя дверь дальше.

Соня остановилась.

— Спасибо, — сказала она. — Я всё ещё путаюсь.

— Это нормально, — ответил он. — Здесь все сначала путаются. Но скоро ты привыкнешь.

Он пошёл рядом, не торопясь и поглядывая на нее и с тревогой, и с любопытством.

— Как тебя зовут? — спросила Соня.

— Бомо.

— Я - Соня. Но ты, наверно и так это знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.